

... Смею утверждать: этим письмам цены нет. Два из них написаны Федором Ивановичем Шаляпиным за месяц до смерти. Видно по почерку: рука еще не старого, но уже смертельно больного человека. Потому порой Шаляпин путается, сбивается. Тело немощно — дух силен, — во время болезни Федор Иванович думает о юбилее, 50-летию творческой деятельности, озарившей сцены лучших оперных театров мира. Незаконченные дела, несвершившиеся события — юбилей и новая книга о театре — это томит его во время болезни и, несмотря ни на что, вселяет надежду на будущее. Но жить певцу остается недолго...

Жизнь обычного человека — загадка. Что уж говорить о жизни гения... Человек в сути своей часто не раскрывается даже близким, а то, сколь далеки друг от друга люди, связанные самыми близкими, кровными узами, из современников Шаляпина точнее всех подметил литовский художник Миколаус Чюрленис: достаточно взглянуть в одну из его работ "Близнецы": даже самые близкие по крови, по мнению художника, разделены пропастью...

О Шаляпине, гении русской оперной сцены, великом артисте, несмотря на обилие томов, тысячи статей, опубликованных воспоминаний и документов, тоже известно, по существу, далеко не все. Не все известное подвергается однозначному толкованию. Биография Шаляпина чаще рассматривается вне динамики жизни, каждый исследователь творчества и биографии Шаляпина настаивает на близких ему шаляпинских чертах, весьма часто при этом упускается из внимания то банальное обстоятельство, что с течением лет творческий человек развивается.

"Белых пятен" в биографии певца много. Те, кто исследует его личную жизнь, многочисленные взаимоотношения и связи, приключения и похождения, бывающие в жизни каждого человека, но обычно тщательно скрываемые близкими, вдруг, к смущению пуританских чувств, узнают о внебрачных детях певца. Давшие в свою очередь потомство, эти "незарегистрированные" увлечения и сегодня время от времени напоминают о себе воплещом исчезнувших документальных свидетельств, как раз и заключающихся в многочисленных и неизбежных

Максим Иванов

Моя правда — 1995 — 27 дек. — с. 16.

ФЕДОР ШАЛЯПИН. ЗАГАДКА ГЕНИЯ

итальянский язык, на котором они написаны "любимому Феде" (первая супруга певца — прима итальянской балетной труппы, анжированной Саввой Мамонтовой)...

Иванович намеревался поправить здоровье (письмо Ирине Федоровне приведено в "Летописи..." с. 349). Говорю это для того, чтобы подчеркнуть лишним раз страстное желание певца "развязаться" с болезнью и снова начать работать.

Грамматика и стилистика писем Шаляпина соответствуют присланным из США оригиналам, сохранена авторская особенность написания отдельных слов (понятно, что редакторское "причесывание" Шаляпина не добавляет ничего, а от живой речи его писем, их смысла порой отнимает многое). Пропущенные окончания слов, но необходимые по тексту, заключены в квадратные скобки.

О своем юбилее — 50-летнем, полувековом служении театру, Ф.И.Шаляпин неоднократно упоминает в письмах близким. Впервые, однако, о самой подготовке к знаменательному юбилею мы столь многое узнаем именно из письма великого артиста.

В письме от 1 февраля 1938 года Ф.И.Шаляпин упоминает свое выступление в Панавском саду в Казани в 1889 году. Эти годы — конец 80-х прошлого века — исключительно тяжелые в шаляпинской биографии. Он испытывает нужду и голод. Подрабатывает певчим в церкви, хоре увеселительного сада "Аркадия" в Астрахани, скитается, подвизается крочником, грузчиком. И только осенью 1890 года заключает свой первый театальный контракт в качестве хориста в опереточной труппе С.Семенова-Самарского с окладом 20 рублей в месяц.

Трагикомический же эпизод, рассказанный в письме Шаляпиным, связан с его неудачным выступлением в маленькой роли жандарма Роже в мелодраме "Бродяги", поставленной 10 июля 1887 года драматической любительской труппой на сцене театра Панавского сада в Казани. "Мне поручили... роль жандарма в какой-то французской детективной веселой комедии с жуликом. От моего страха я так растерялся, что, будучи вытолкнут на сцену, я не произнес ни одного слова. На меня нашел столбняк. Помню только, что если на сцену меня вытолкнули сравнительно деликатно, то со сцены меня вытолкнули уже без всякой деликатности. Все это, однако, не охлаждало моего театального пыла" (Ф.И.Шаляпин, "Маска и душа", М., Моск. рабочий, 1989, с. 74).

И эпизод с веревочкой мы находим в воспоминаниях певца (правда, в письме эпизод несет совсем иную смысловую нагрузку): "Уже будучи 14 или 15-летним юношей... я как-то получил чрезвычайно ответственную роль в одно слово: на вопрос, что у тебя в руках, — я должен был ответить: "Веревочка". Веревочку я говорил, но таким тихим от страха голосом, что не только публика, но и актер, интересовавшийся тем, что у меня в руках, услышать меня никак не мог. Дирекция моя решила, что способностям моим есть досадный лимит" (там же, с. 74)...

О лицах, упоминаемых в публикуемых письмах.

Адресат писем Ф.И.Шаляпина — Евгений Васильевич Саблин, бывший российский поверенный в делах Великобритании, на период переписки с Шаляпиным — вице-председатель лондонского отделения международного комитета по организации чествования Ф.И.Шаляпина в связи с 50-летием его артистической деятельности. В эмигрантской печати выступал под псевдонимом Е.С.

Упомянутый Шаляпиным Василий Алексеевич Маклаков — видный российский государственный деятель, один из лидеров партии кадетов, дипломат и историк.

А Александр Павлович Рогнедов — литературный агент, в частности, устраивавший переводы на иностранные языки произведений И.А.Бунина. Других сведений о нем обнаружить не удалось. В шаляпинском окружении — человек малоизвестный.

Публикация писем Ф.И.Шаляпина, предлагаемых сегодня читателям, стала возможной благодаря любезному содействию профессора-слависта из Университета "Нассау", штат Нью-Йорк, г-на Константина Каллаура. Автор благодарит также библиотеку Колумбийского университета и ее сотрудников, бережно сохранивших для нас дорогое наследие писателя А.К.Бабореко (Москва); С.А.Митрохину, издательство "Московский рабочий", исследователей жизни и творчества Ф.И.Шаляпина В.И.Гармаша (Харьков) и Ю.Ф.Котлярова (Санкт-Петербург).

Париж 1923 Сентябрь
Костя! Дорогой Костя!
Как ты меня обрадовал мой дорогой друг твоим письмишком. Тоже братик — Ски-таюсь. Одинок ведь даже в 35-ти этажном Американском отеле, набитом телами, одинок.

Как бы хотел тебя повидать... Подучиться. Спеть тебе что-нибудь отратительное и отвратительным голосом — в интонации. Знаю и вижу: как бы тебя это раздражило! А я бы хохотал и радовался — Иди-от... ведь я бываю иногда несносный идиот — неправда ли?!

Оно конечно хорошо — есть и фунты и доллары и франки, а нет моей дорогой России и моих несравненных друзей.

Эх ма! — Сейчас опять еду на "золотые прииски" в Америку, а хер-ли-толку-то! А ты? Что же ты сидишь в Германии? Нужно ехать в Париж! Нью-Йорк! ЛОНДОН! Эй встрянься! Целую тебя друже и люблю как всегда.

Твой Федор Шаляпин.
22, Авеню д'Эйло, XVI

1.11.
Дорогой и глубокоуважаемый Евгений Васильевич.

Как-то на днях В.А.Маклаков рассказывал мне о Ваших прискорбных ожиданиях и

пренебрегал никаким участием будь оно безмолвно или с "одним" только словом, например в "Ревизоре" (роль выдумана режиссером). Осип говорит купцам — (купцу) "Что это у тебя в руках?" —

Купец: Веревочка —
Осип — А, веревочка, ну давай сюда и веревочку и веревочка в дороге пригодится (роль даже плохо сыграна).

Вот дорогой Евгений Васильевич, пока что — я Вам рассказал. А (нрзб) кончу. Сердечное спасибо Вам за все Ваши хлопоты и добрые чувства.

Передайте мое душевное крепкое уважение Прекрасной Даме Вашей Надежде Ивановне, а Вам позвольте пожать руку и пожелать доброго здоровья и выздоровлений от всяких черных ожиданий.

Ваш всегда

Ф.Шаляпин.

7.11.38.
Спасибо Вам дорогой Евгений Васильевич за доброе письмо. В нем так славно звучат ноты сердца.

Теперь, я виделся с Рогне-
довым и говорил с ним насчет юбилея. — Он кажется действительно добрый малый и чистосердечно хотел сделать мне, — как говорит — подарок. — Сейчас он объяснил мне сущность дела и я конечно, если буду здоров — буду рад провести столь необыкновенно торжественный вечер на публике. И Вам дорогой мой, как я Вам благодарен!

Вы пишете насчет июня, июля, а октябрь. Я думаю что лучше октябрь — да и то кто знает буду-ли здоров. Сердце мое, несмотря на всякие лекарства, (нрзб) пока все в том же положении. — Это-то меня и сражает — конечно чувствую я себя лучше, чувствую что иду к выздоровлению, — то конечно я выступил бы и в марте — но...

Вот сейчас хочу предпринять поездку в Дрезден в санаторий Ламана (Lahmann) хотя бы на 1 месяц. Посмотрим что будет?

Конечно и у себя дома я стараюсь сохранить для себя покой, по всему это не очень удается. А доктора говорят именно об абсолютном покое.

Совершенно невероятно — как это я мог вдруг так инвадно захворать?!!
Удивительно!

Но... судьбе должны мы поклониться. Дорогой мой и глубокоуважаемый Евгений Васильевич. Еще раз позвольте мне поблагодарить Вас и извиниться за беспокойство. Пожать крепко руку Вашу и попросить Вас передать мои сердечные чувства уважения Прекрасной Даме Вашей Надежде Ивановне.

Всегда ваш Ф.Шаляпин.
P.S. Окончательно я еще не столкнулся с г.Рогнедовым, но это, я думаю, трудно не будет.

Сейчас он уехал.

— Во первых позвольте, хотя и с запозданием, выразить Вам глубокое сочувствие в огромной опасности Вам грозившей и Слава Богу — миновавшей — а потом поблагодарить Вас за все работы Ваши и старания по юбилею. Должен сказать Вам — юбилей этот как-то устраивается по секрету от меня. Т.е., конечно, я знал, что будет юбилей, но никогда не предполагал сделать его в марте 1938. Во 1-х эта дата неправильная. Во 2-х, еще с лета я захворал переутомлением и расширением сердца. Прошло уже пять месяцев как я лежу и полужу. И признаться не знаю когда этому проклятию будет конец.

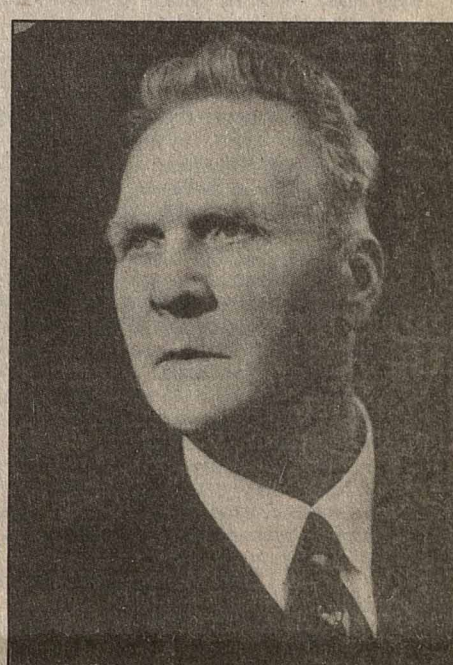
Я же знаю чем руководствовались мои устроители юбилея ибо никогда их об устройстве определенно не просил. Да и они серьезно никогда со мной о датах не говорили, и вдруг!!

Третьего дня приехал г-н Рогнедов и сказал наконец что юбилей относится или на лето или на осень. И что о всех деталях мы будем говорить теперь. (Нрзб) — наконец, говоря по совести что если есть дата 50 — то она оправдана будет лишь в 1939 году до этого же года мои театральные выступления имеют характер мальчишеских развлечений ввиду (напримр) — изображение народа на стенах Кремля в Жизни за Царя с криками ура! (шесть же царя) —

И только летом 1889 г. в саду Панавы, в гор.Казани, я был побит режиссером за провал роли жандарма Роже в какой-то детективной комедии (французской) называвшейся "Бродяги" — это было настолько впечатлительно и памятно, что конечно к юбилею можно вынести. — С этих пор, впрочем, с еще большим волнением, я стал больше и больше "втираться" на сцену и не

Моя правда

Регистрация посылается
печейдерматом
"mobile
teleCom"
(095) 946-2222

Главный редактор: Андрей Митрохин.
Зам. гл. ред. (продюсер): Ирина Аверкина.
Художник по версии: Светлана Арташова.
Зам. гл. ред. (художник): Елена Кузнецова.
Выпускающий редактор: Александр Акулиничев.

Учредитель: И.И. Новик. Издатель: И.И. Новик.
Всего вышло: 1000 экз. Тираж: 1000 экз.
Печать: "Печатный двор".
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 12.
Телефон: 332-4244, 332-4252. Факс: 332-4019.
Справки по телефону: 125-0250.

Моя правда
ТАЗЕТА

проблемы в летописи частной жизни великого певца и артиста

Много "белых пятен", понятно, и в иной сфере — взаимоотношениях певца с советской властью, о чем в эпоху перестройки автору этих строк довелось писать шефу КГБ Крючкову — с единственной целью: посмотреть некоторые документы в архивах ведомства. В КГБ не принято было отвечать письмом на письмо, последовал неутешительный телефонный звонок, а затем милый человек привез в редакцию, где довелось в то время работать, двухтомник "Красная книга ВЧК" — в подарок и, вероятно, не без намека. А о том, что такие документы в архивах КГБ есть, сотрудники КГБ признали в ночном выпуске ИТА 25 мая 1993 года: в омском архиве ведомства, по информации агентства, нашли письмо-просьбу Шаляпина от 22 мая 1922 года Фельдману, начальнику следственного отдела ВЧК, старшему майору государственной безопасности. "... Вы, вероятно, уже знаете от моего друга Константина Ал.Коровина о делишках у нас на дачах..." "Делишки" для нашей страны обычные: отнимали, грабили. Шаляпина, конечно, прямо следовать в двадцатых не могли — величина не та, любимец народа, — но третировали. Третировали и унижали дочь певца Ирину, не пускали на похороны отца.

"Белые пятна" бурной шаляпинской биографии приоткрыты и архивной пылью Центрального государственного архива литературы и искусства ЦГАЛИ: до сих пор не дошли до исследователей руки до писем жены Шаляпина Иолы Игнатьевны (их около трехсот!), вся сложность здесь — почерк и

"Белых пятен" в творческой и личной биографии певца стало бы куда меньше, а наших знаний о нем и о времени, в которое ему довелось жить, творить, а следовательно, о нашей истории, — куда больше, если бы... Потому только "истины ради" вожу всюду с собой по миру шаляпинскую "Летопись жизни и творчества" и время от времени от руки на полях потрепанного двухтомника в Харбине и Загребе, Копенгагене, Берлине и горной Темир-Хан-Шуре заполняю, коли удастся, добытыми сведениями о певце эти "белые пятна", и не видно этой работе краи, ибо если жизнь отдельного человека загадка, что же говорить о жизни гения...

Тем, кому непонятна такая увлеченность (а непонятна она, надо сказать, многим), приходясь объяснять, что никакого "серебряного века" русского искусства, может, и не было бы без золотого шаляпинского голоса, его великого таланта, плодотворное влияние которого отмечено каждым более-менее известным российским литератором, художником, деятелем театра начала века.

Но вернемся к началу — письмам Шаляпина, которые давно надо было уже ввести в обиход каждого интересующегося русской культурой человека. Публикуемые сегодня документы — это фотокопии оригинальных материалов из библиотеки Колумбийского университета. Письма Федора Шаляпина находятся в архиве Бахметьева в этой библиотеке.

Письмо Константину Коровину, датированное сентябрем 1923 года, у нас в стране неизвестно. Текст помещен в журнале "Те-